

Одиночка

— Да когда ж ты уймешься? — еле слышно проворчал Матвей, мрачно оглядывая пузырящиеся от дождя лужи.

В такую погоду дома нужно сидеть, с книжкой и чашкой свежего кофе, но пришлось выползть на улицу. В холодильнике мышь повесилась, а никого другого, кто мог бы решить этот вопрос, у него не было. Вот и пришлось натягивать на себя старую куртку и, проклиная все на свете, устраивать очередной аттракцион по спуску инвалидной коляски по узкому лестничному пролету. Благо жил он в старой родительской однушке на втором этаже. Жена, узнав, что он стал инвалидом, быстренько собрала манатки и, сообщив, что еще молодая и желает жить полной жизнью, исчезла.

Хорошо хоть детей с ней не прижили. Родители ушли тихо, словно не хотели его беспокоить. Обоих не стало во сне. Так и остался он один, в старой родительской квартире. Списанный со службы безногий инвалид. И только характер и привычка драться до последнего не дали ему опустить руки и спиться. Наоборот. На свою скудную пенсию он умудрился сделать в квартире ремонт. Пусть косметический, но хоть что-то. И даже со временем приобрести старенький компьютер.

Сослуживцы не забывали, грех жаловаться, но и у них было все не так радужно и весело, так что визиты становились все короче, а звонки все реже. Но Матвей их понимал. У всех семьи, дети, а на дворе бушующий девяносто пятый год. Кто работает, кто бандитствует, а кто вообще за кордон подался в поисках лучшей доли. Ему же ехать было некуда. Родился в Питере, окончил тут военное училище и сюда же вернулся после выписки из госпиталя.

Так и жил. День-ночь, сутки прочь. По привычке поднимался в шесть утра, умывался, тягал гантели и гирию до пота, а потом решал свой вечный вопрос — чем заняться. Найти работу на дому инвалиду в нынешних условиях задача невыполнимая. Тут и здоровому-то устроиться некуда, а уж безногому... Ладно хоть пен-

сию, хоть и крошечную, но платят, даже почти регулярно. Еще бы цены на коммуналку не росли словно грибы, и вообще хорошо.

С этой мыслью Матвей решительно взялся за дуги на колесах кресла и выкатился из магазина. Пакет с покупками был заботливо завернут и сунут под бок. Не хотелось потом есть все мокрым. Натянув капюшон поглубже, он выкатился на тротуар и направил коляску к светофору. Дождь, словно услышав его мысли, начал стихать. Остановившись на переходе, Матвей нашел взглядом светофор, дожидаясь зеленого сигнала, когда к тротуару стремительно подлетела роскошная иномарка.

У перехода, на проезжей части, скопилась большая лужа, так что ездоки, видимо, решили не портить свою роскошную обувь. Вставшая на «зебре» иномарка разбрызгала лужу, и пешеходы с руганью подались в стороны. Дверца машины распахнулась, и выбравшийся из салона молодой парень, с презрительной усмешкой оглядев угрюмо ворчавший народ, громко высказался, оглядываясь на выходящих из машины друзей:

— Быдло совсем обнаглело. Простой воды боится.

— Машину с перехода уберите, — не удержавшись, потребовал Матвей.

— Чего?! — развернулся к нему парень. — Ты на кого пасть открыл, обрубок?

— Я сказал, машину с перехода убери, мажор тупой, — рыкнул в ответ бывший капитан, командир разведроты, участник афганской войны, чувствуя, как от гнева и ненависти кровь ударила в голову.

— Да я тебя сейчас с дерьмом смешаю, шваль подзаборная! — завопил мажор, бросаясь на Матвея с кулаками.

В ответ Матвей только презрительно усмехнулся, глядя на его ужимки. В следующее мгновение, дождаввшись, когда противник нанесет удар, он резко пригнул голову и, толкнув коляску вперед, нанес резкий, без замаха, удар в ему в пах. Следующим движением зажав шею парня в локтевом сгибе, он напряг руки, с удовольствием слушая, как хрустят его недоразвитые шейные позвонки.

— Сейчас дерну руками и оторву тебе голову, мразь, — прошипел он в ухо парню, усиливая нажим.

Подбежавшие друзья мажора только и успели, что размахнуться, когда Матвей одним сильным движением корпуса отбросил парня им под ноги и, стремительно развернув коляску, зло усмехнулся, разминая жилистые кулаки с набитыми костяшками пальцев:

— Ну, кто первый, твари? Я таких, как вы, давил и давить буду.

Не ожидавшие такого отпора мажоры растерянно затоптались на месте, не понимая, что делать дальше. Да еще и прохожие начали шуметь, что, мол, на инвалида напали. Помятый Матвеем мажор кое-как поднялся с земли и, со злостью осмотревшись, скомандовал:

— Поехали отсюда. Потом разберемся.

Его приятели, недоуменно переглянувшись, покорно полезли обратно в машину. Взревел мотор, покрышки взвизгнули на мокром асфальте, и машина скрылась за поворотом.

— Чтoб ты столб нашел, сволочь, — проворчал ему вслед Матвей, провожая иномарку взглядом.

Заметив, что светофор давно уже зеленый, он быстро развернул коляску и, с силой проворачивая колеса, пересек проезжую часть. Въехав на тротуар, Матвей свернул к дому, попутно прокручивая в голове всю сцену стычки. Это и дракой-то назвать нельзя было. Так, пискометрия. Эти болваны даже драться толком не умеют. Гонору много, а умений ноль. Завяжись все серьезно, и Матвеем пришлось бы тяжело. Но не смертельно. Уж что-то, а рукопашке их учили серьезно. Как и стрельбе. Впрочем, как и всему остальному, что имеет хоть какое-то отношение к унижению себе подобных.

Получив направление в Афган, он неожиданно вдруг понял, что теперь его жизнь зависит только от его умений, и постарался вспомнить все, чему его когда-то учили. Уже там, за речкой, он сошелся с парнями из спецназа ГРУ и напросился к ним на тренировки. Опытные бойцы, отлично понимая, что именно руководит молодым старлеем, согласились. И только сойдясь в спарринге с одним из них в первый раз, Матвей понял, как мало знает и умеет.

Его почти двухметровую тушку весом за центнер швыряли по площадке, словно мешок. После первой тренировки он до своего расположения еле ноги донес, но уже на следующий день снова пришел. Так и пошло. Если парни были не на выходе, а его рота не получила очередной задачи, он тренировался с ними словно проклятый. В общем, чтобы справиться с ним, тройки мажоров, которые ничего тяжелее ложки в руках не держали, было мало.

Погрузившись в собственные воспоминания, Матвей свернул в подворотню, не обратив внимания, как из-за куста, тихо урча мотором, выкатилась иномарка. Прокатившись через двор,

Матвей объехал детскую площадку, от которой давно уже остались одни воспоминания и перевернутые местной гопотой качели, и направил коляску к своему подъезду. Рев мотора за спиной заставил его чуть вздрогнуть и резко рвануть руки в разные стороны, разворачивая коляску.

Теперь сильно крутануть колеса вперед и загнать ее на высокий поребрик, но мощный удар в бок отбросил его в сторону. Уже катясь по мокрому асфальту, Матвей краем глаза заметил знакомый автомобиль и, прикрывая голову руками, успел подумать: «Зря расслабился».

Дальше последовал еще один удар, и навалилась темнота.

* * *

Было душно, страшно хотелось пить, а еще почему-то жутко болело все. Даже то, что давно уже болеть не может. Матвей попытался вздохнуть, но грудь словно обручем сдавило. Попробовал подать голос, но из глотки донесся только еле слышный, хриплый сип. Решил пошевелиться, преодолевая боль, уж к ней-то ему было не привыкать, но руки отказывались повиноваться. И вот тут ему стало действительно страшно. Страшно по-настоящему. До дрожи, до икоты, до истерики. Страшно так, что все его сознание, точнее, его остатки, сжалось до одной маленькой точки.

Потом снова навалилось беспмятство. Матвей не знал, как долго оно продлилось. В следующий раз очнулся он от чьих-то осторожных прикосновений. Не открывая глаз он попытался понять, что происходит, и снова появилась боль. Тупая, ноющая, та, которая выматывает нервы и доводит до иступления. А еще дико хотелось пить. Во рту было сухо, словно он опять оказался там, за речкой, под палящим южным солнцем. Содрогнувшись от воспоминаний, Матвей принялся прикусывать кончик языка.

Этому приему его когда-то научили парни из спецназа. В обычной обстановке этот прием работал, но в этот раз все пошло не так. Да и язык казался не давно знакомым органом тела, а чем-то чужеродным. Словно во рту вместо него находился кусок старой подошвы сапога. Сквозь тихий звон в ушах Матвей расслышал какие-то звуки, а потом ему в губы осторожно ткнулся какой-то предмет. Вслед за тычком в раздвинутые губы тонкой струйкой полилась вода.

Захрипев пересохшим горлом, он принялся жадно глотать эту прохладную, восхитительно вкусную жидкость, мечтая только об

одном — чтобы воду не отобрали. Впитав все, что дали, буквально всем своим существом, он попытался пошевелиться, но снова ничего не получилось. Ко всему прочему в животе появилась какая-то противная нутряная дрожь. Стало зябко, словно он из пустыни в одно мгновение перенесся на север. И почему-то снова усилилась боль.

Сознание отключилось разом, как будто кто-то повернул рубильник. Что было дальше, Матвей даже не пытался вспоминать. Бесполезно. Он раз за разом приходил в себя и, едва успев глотнуть воды, которую ему кто-то подавал, снова отключался. А потом случилось что-то вообще непонятное. В один из таких моментов, когда он снова отключился, его сознание вдруг начало работать само по себе. Как объяснить это точнее, Матвей не понимал. Знал только, что какая-то часть его мозга, отключившись от всего внешнего мира, принялась что-то делать.

Анализировать, обдумывать, лечить, что называется, выбирай на свой вкус, но это часть сознания работала. А вот потом начался вообще какой-то кошмар. Все его существо, его «Я», его эго, черт знает, как оно там правильно называется, начало тянуть, разрывать, разбивать на кусочки, а потом снова сшивать и скреплять в каком-то другом порядке. И это снова было очень больно.

Больнее даже, чем в тот момент, когда он попал под разрыв минометной мины и, придя в себя, понял, что ног у него больше нет. И тут Матвею стало страшно по-настоящему. Страх, который он испытывал до этого, казался теперь чем-то недостойным внимания. Где-то в глубине души он вдруг понял, что вот-вот потеряет себя самого. То, что делало его человеком, мужчиной. И в Матвее разгорелась злость.

Прошедший огонь и воду боевой офицер каким-то неизведанным доселе чувством понял, что если не начнет бороться, то исчезнет. Навсегда. Так, словно его никогда и не было. Обретя силы именно в этом гневе, он заставил себя собраться и принялся восстанавливать свое сознание, самого себя в обратном порядке. Как? Если бы он сам понимал. Он просто каким-то чутьем угадывал, что вот эти фрагменты нужно соединить вот с этими, а вот этот кусочек мозаики уложить вот сюда.

Сколько это продолжалось, он не знал. Да и не интересовался. Сосредоточившись на этой борьбе, он забыл обо всем. В какой-то момент, когда все кусочки разорванного сознания вдруг сложились, где-то в мозгу полыхнула яркая вспышка, и он снова отключился. Последнее, что отложилось в памяти, сплошная се-

рая дымка, в которой где-то далеко мерцает теплый оранжевый огонек. Словно костер в тумане.

Очередное пробуждение оказалось почти нормальным. Сначала появились какие-то звуки. Потом сквозь сжатые веки пробился свет. А еще через какое-то время он вдруг понял, что чувствует свое тело. С огромным трудом разлепив непослушные, словно резиновые губы, Матвей попытался облизать их языком, но понял, что это будет бесполезным телодвижением. Во рту снова было сухо, словно в пустыне.

Послышался какой-то новый звук, и рядом с ним кто-то тихо охнул. Потом в рот снова полилась вода. На этот раз все прошло гораздо приятнее, а главное, спокойнее. Он не захлебнулся и не облился, как это уже бывало. Сообразив, что чувствует себя намного лучше, чем в прошлые свои пробуждения, Матвей осторожно вздохнул и попробовал открыть глаза. Дрогнув, веки медленно раздвинулись. Сначала ничего, кроме слез и рези, он не получил.

Свет ударил по зрению, словно тренированный кулак. Даже голова закружилась. Но потом глаза адаптировались, и что-то начало проясняться. Первое, что он увидел, стена. Шершавая, беленная известью. Такие он видел в деревнях на Кавказе. Еще не понимая, что видит, он скосил глаза в сторону и едва не вскрикнул от удивления. Окошко. Распахнутое. С широким подоконником. Небольшое, в четыре куска стекла размером примерно тридцать на тридцать сантиметров.

А самое главное, ставни за ними. Вот тут ему снова стало не по себе. Ведь Матвей точно помнил, что катил домой, когда на него налетела иномарка мажора. А тут вдруг деревенская изба. Точнее, хата. Да еще и из тех, что в горных селах на Кавказе строят. Взяв себя в руки, Матвей перевел взгляд на другую сторону и, увидев шерстяной ковер у места, где лежал, окончательно впал в ступор. У него такого ковра точно никогда не было.

Между тем надоедливый звон в ушах начал стихать, и он сумел различить звуки обычной домашней деятельности. Где-то там, за стеной, кто-то гремел посудой и постукивал ножом по деревяшке, явно что-то нарезаю.

«Мать твою! Где я?» — охнул про себя Матвей, окончательно запутавшись.

Словно в ответ на его вопрос к его лежбищу подошла пожилая женщина в платке, повязанном так, чтобы открытым оставалось только лицо, и, осторожно погладив его по голове, тихо спросила:

— Водички еще дать, Елисеюшка?

— Угм, — только и смог кивнуть Матвей, не зная, как на это реагировать.

Женщина принесла глиняную кружку и, напоив его, тяжело вздохнула, поднимаясь.

— Скорей бы уж отмучился, болезный, — тихо прошептала женщина, истово перекрестившись. — За что ж дитяти муки такие?

«Кто отмучился? Я отмучился? — возмутился про себя Матвей. — Да я еще тебя переживу, ворона старая! И кстати, почему Елисей? И почему дитяти? Блин, что тут вообще происходит?!»

Додумать свою мысль он не успел. Глаза сами собой закрылись, и он просто уснул. Спокойно и без всяких сновидений. Первое, что Матвей понял, проснувшись, снова был день. Прислушавшись к себе, он вдруг сообразил, что начинает оживать. На этот раз он проснулся без болей, резей и звонов. Сам. Спокойно. Да, была дикая слабость. Да, при каждом вздохе в груди что-то хрипело и клокотало, а глаза в глазницах двигались словно со скрипом. Но он был все еще жив, даже чувствовал себя лучше, чем прежде. Даже мысли в голове были ясными.

«Неплохо бы попить», — подумал Матвей, пытаясь повернуть голову, чтобы рассмотреть давешнюю старушку.

О ее присутствии где-то неподалеку он догадался по уже знакомым звукам. Негромкие шаркающие шаги подсказали, что она вошла в его закуток. Подойдя к лежанке, женщина развернулась всем телом и, склонившись, удивленно улыбнулась.

— Живой! — перекрестилась она. — Царица небесная, неужто выходила кровиночку! Елисеюшка, чего тебе принести? Водички, али поспидать чего хочешь? — спросила она, снова наклонившись к нему.

— Пить, — собравшись с силами, просипел Матвей.

— Ох ты ж господи, сей момент спворюю, милый, — засуетилась женщина, выскакивая из дома.

Спустя минуту она поила его восхитительно вкусной, холодной водой из все той же глиняной кружки. Напившись и почувствовав, что стало еще лучше, Матвей отдышался и, сфокусировав взгляд на старушке, еле слышно спросил:

— Где я?

— Ох ты ж господи, никак не признал меня, внучок? — охнула женщина.

— Нет, — набравшись наглости, признался Матвей.

— Ой, горюшко, — всхлипнула старушка. — Так в дому ты моем, Елисеюшка. А я бабка твоя единокровная. Степанида. Неужто не помнишь ничего?

— Не помню, — выдавил из себя Матвей, только усилием воли заставив себя не завопить во весь голос, что никакой бабки у него уже двадцать лет как нет.

— И то сказать, тебя ж сюда без памяти привезли, — сокрушенно вздохнула старушка. — Думала, уж не выхожу. И батюшку приводила. Он тебя и соборовал, и молитву прочел. Думали, со дня на день преставишься.

— Кто привез? — нашел в себе силы поинтересоваться Матвей.

— Так солдаты с дохтуром. В станице энтот, как его, кагрантин ввели.

— Карантин? — насторожился Матвей. — С чего?

— Так тиф был, Елисеюшка. Почитай вся станица вымерла. Моя-то хата у околицы стоит, а ваш дом в середине станицы. Вот они тебя там и нашли, когда померших собирали. Одни мы с тобой остались, внучок. От всего рода одни, — всхлипнула старушка.

— Кто? — прохрипел Матвей, не понимая, с чего вдруг в горле защипало, а в глазах все начало плыть.

— Так все, Елисеюшка, — снова всхлипнула женщина. — И батька с матерью, и брат твой, и сестры. Один ты теперь в роду. Господи, отчего ж ты меня не прибрал вместо кого из детушек?! — глухо взвыла она, крестясь и глядя куда-то в сторону.

— Бабушка, — кое-как справившись с собой, позвал Матвей.

— Ась, — встрепенулась старушка, моментально утерев слезы и подобравшись, словно кошка перед прыжком. — Хочешь чего, внучок?

— Дай еще попить, да посплю потом, — выдавил из себя Матвей.

Ему нужно было остаться одному и обдумать услышанное. Информации было очень мало, но расспрашивать женщину подробно он не рискнул. И так ум за разум заходил даже от той малости, что уже услышал. Степанида ловко напоила его и, протерев лицо чистой влажной тряпицей, снова куда-то ушла. А Матвей, прикрыв глаза, принялся размышлять.

«Так, это что ж получается? Меня дома убили, и я оказался где-то на Кавказе, или еще где-то, где строят такие же дома, в чужом теле? Да ну нафиг! Бред. Ненаучная фантастика. Так

не бывает. Или бывает? А ведь я что-то подобное где-то слышал. Кажется, по зомбящику нечто подобное несли. Да ну. Очередная утка. Но бабка-то меня другим именем называет. И даже не сомневается. Не станет же она чужому человеку попа звать. Им платить надо, а у меня с деньгами не особо было. Я ж из магазина катил. Мне до пенсии еще две недели жить.

Нет. Тут что-то не так. И обстановка. И погода за окном. А главное, тиф. Ну откуда в конце двадцатого века в городе тиф возьмется? Стоп. Она сказала, в станице. Так, какой еще на хрен станице? Ничего не понимаю. Еще раз сначала. Я катил из магазина домой. Уже в свой двор свернул, когда меня тот мажор на своей иномарке нагнал. В драку не полезли. Решили одним махом все закончить. Блин, они же мне коляску сломали! И как я теперь без нее буду? Или не буду? Так, Матвей, соберись. Для начала собственный организм проверь», — приказал он и, сосредоточившись, попытался пошевелить руками.

Пальцы начало покалывать, а потом они медленно сжались в кулаки. Несколько раз сжав их, Матвей приказал себе согнуть руки в локтях и ощутил, как конечности, скрипя в суставах, рывками, словно у испорченного робота, начали сгибаться. От напряжения в глазах потемнело и забухало в ушах. Отдышавшись, Матвей решил проверить ноги. Пусть там только обрубки, но даже их еще можно хоть как-то использовать. Особенно находясь дома.

Но, к его недоумению, колоть начало сначала пальцы, а потом и все ноги сразу. Недоуменно опустив глаза туда, где они по его ощущениям должны быть, Матвей вдруг понял, что ноги имеются. Какие-то странные, тонкие, но целые. И даже кое-как шевелятся, подчиняясь его приказу.

— Выходит, это правда? — прохрипел в голос Матвей, икнув от удивления.

— Тихо! Без паники! — мысленно осадил он себя. — Теперь становится понятно, почему бабка меня чужим именем назвала. Получается, что я действительно оказался в чужом теле. И это тело ее внука. Логично. Но блин, бред же собачий! — мысленно завопил он, едва не скатываясь в истерику. — Так не бывает! Не бы-ва-ет! — по слогам повторил он, судорожно сжимая слабые кулаки, чтобы не заорать на весь дом. — Так, спокойно, Матвей. Спокойно. Всякое бывает. Проснешься в луже, и пить охота. Главное, держи себя в руках. Ну чужое тело, делов-то? Люди вон миллиарды воруют, а тут всего лишь тело. Да и не крал ты его. Сам бы хотел понимать, как до жизни такой докатился.